

AN ALL-NEW ALL-TEENY-TINY HORROR SERIES FROM THE MASTER OF SCREAM!

Goosebumps HorrorLand

REVENGE OF THE LIVING DUMMY

R.L. STINE

SCHOLASTIC

Annotation

- [Роберт Лоуренс Стайн](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22 \(последняя\)](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Роберт Лоуренс Стайн
Месть ожившей куклы

Вас, наверное, удивит, что я и моя лучшая подруга Молли Моллой оказались поздно на старом кладбище.

Я вздрогнула, когда подумала о том, что мы делаем. Ветер завывал в вершинах деревьев, и бледные молнии сверкали в небе.

Быстрее, Молли, — прошептала я, обхватив себя обеими руками, когда луна исчезла за тучами. — Надвигается буря.

Я тороплюсь, Бритни, — ответила Молли, — но земля... она слишком твердая.

Мы копали могилу, сменяя друг друга. Одна копала, другая стояла на стреме.

Я ощутила на лбу холодные капли дождя. Взгляд мой задержался на низенькой оgrade возле улицы. Ничего не двигалось.

Единственными звуками был скрип лопаты, врезающейся в грунт и звучные, но отдаленные раскаты грома.

Недалеко от меня старый могильный камень затрещал, видимо, его наклонил ветер.

Я сделала вдох. Внезапно я представила себе, что старый могильный камень опрокидывается. И из могилы кто-то вылезает.

Ладно, ладно. У меня разгулялось воображение. Все знают за мной такое. Моя мама говорит, что я или стану писательницей, или просто ненормальная.

Она думает, это очень забавно.

Молли перестала копать и откинула с глаз волосы. Капли дождя падали на ковер из опавших листьев на земле.

Бритни, так достаточно глубоко? — спросила она хриплым шепотом.

Я взглянула на стеклянный гроб, лежащий на земле.

Копай дальше. Мы должны полностью скрыть это, — сказала я.

Я обернулась и посмотрела на улицу. Было поздно, и дома соседей стояли темные и тихие.

Но что, если кто-нибудь проезжал мимо и заметил нас?

Как бы мы объяснили, что за могилу мы копаем?

Как бы мы объяснили, зачем мы здесь?

Молли со стоном вонзила в грязь лезвие лопаты.

Опавшие листья издали скрипучий звук. Затаив дыхание, я прислушалась. Ага. Кто-то крался к нам, ступая по опавшей листве.

Молли, — прошептала я.

Затем я увидела их. Они двигались, выстроившись в линию. Еноты. Огромная стая. Их глазки сверкали. Черный мех на мордочках этих существ создавал впечатление, будто они в масках.

Они оцепенели, увидев нас. А потом поднялись на задние лапки.

Нападают ли еноты на людей?

Эти еноты выглядели ну очень голодными. Я представила себе, как они набрасываются на нас, забираются сверху, царапают и кусают.

Яркая вспышка молнии осветила их, так что мы смогли их разглядеть. Они уставились на стеклянный гробик. Уж не решили ли они, что внутри находится еда?

Удар грома, на этот раз более близкий, испугал их. Вожак стаи повернулся и бросился бежать. Остальные последовали его примеру.

Я вздрогнула и вытерла дождевые капли со лба. Молли вручила мне лопату.

Теперь твоя очередь, — сказала она. — Уже почти готово.

Деревянная рукоятка лопаты царапала мне руку. Я ногой сняла грязь с лезвия и подошла к неглубокой яме.

Никто не найдет это здесь, — сказала я. — Если мы закопаем зло, оно не будет нам угрожать.

Молли не ответила.

Я почувствовала, что что-то не так.

Обернувшись, я увидела, что Молли, раскрыв рот, уставилась на следующий могильный камень.

Брит...

И тогда я услышала, как могильный камень заскрипел. И увидела бледную руку, медленно поднимающуюся из могилы.

Убегать и звать на помощь поздно.

Я стояла, оцепенев, и видела, как холодные костлявые пальцы схватили меня за лодыжку. И тут я закричала.

За две недели до этого я не думала о том, что случится на старом кладбище в конце улицы. Меня волновали другие проблемы.

Точнее, одна большая проблема. И имя ей — Этан.

Этан — мой двоюродный брат, а ненавидеть двоюродного брата нехорошо. Поэтому я скажу так: он не является одним из тех, кого я люблю.

Я люблю составлять списки. И если бы я составила список под названием «Пятьсот человек, которых я люблю», Этан оказался бы вне этого списка.

Поняли, о чем я говорю?

Был вечер пятницы, приближалось время обеда. Я уселась на краю кровати в своей новой спальне.

Почему у меня новая спальня?

Потому что мама и папа выбросили меня из моей комнаты в мансарде, чтобы приготовить место — угадайте, для кого? Для Этана.

Поэтому мне приходится спать в маминой комнате для шитья. А мамина швейная машинка будет по-прежнему стоять возле стены. Так много ли места останется для меня? Представьте себе, немного.

Я сидела в своей комнате и беседовала по телефону с Молли. Может статься, Молли единственный человек (после меня), понимающий, какая Этан болячка. Потому что она познакомилась с ним. И в доказательство у нее остались два синяка на коленях после общения с ним.

Кто говорил Этану, что лягать людей — смешно?

Мы с Молли как сестры. Упомянув о Молли Моллой, упоминайте и обо мне, Бритни Кросби.

Нам обеим двенадцать лет. Мы живем в одном квартале и учимся вместе с третьего класса.

Мы обе любим рисовать карандашами и красками. Обе любим составлять рейтинг-листы чего бы то ни было. Мы часто заканчиваем друг за друга фразу — как будто у нас общий мозг.

Молли немного выше меня и более спортивна. У нас медно-рыжие волосы, только у нее светлее и более волнистые. И у обеих карие глаза.

Я по натуре веселая, а Молли трудно рассмешить.

Я думаю, что она серьезнее меня, потому что ее родители развелись, и она осталась жить с папой. Он очень любит путешествовать и не очень приспособлен к жизни. Поэтому она чувствует себя старшей.

Очевидно, я много думала над этим.

Как-то раз я составила список своих хороших и плохих качеств. Моим хорошим качеством является то, что я стремлюсь по-настоящему понимать своих друзей.

Я не могу выйти, — сказала я Молли, — этот ублюдок Этан будет здесь с минуты на минуту. Папа отправился на станцию встречать его.

Молли простонала в трубку:

Может быть, тебе повезет? Может быть, он опоздает на автобус. Почему он приезжает всякий раз?

Его родители, вроде, уехали куда-то, — сказала я. — Он собирается поступать в нашу школу. Думаю, он в третьем классе.

Он способен так достать, — сказала Молли. — Может быть, ты смогла бы съехать отсюда до тех пор, пока он не уедет?

Я округлила глаза.

А как к этому отнесется моя мама?

Она знает, что ты ненавидишь его, — сказала Молли.

Она предполагает, что я должна относиться к Этану с сочувствием, потому что ему тяжело жилось. Его родители долго болели и не могли уделять ему внимание.

Молли покачала головой:

Да, я помню это.

Я простонала:

Поэтому мама и папа сказали мне, что я должна заботиться о нем. Каждые десять минут они напоминали мне, что я должна быть

доброй к нему.

При-вет! — сказала Молли. — Неужели они не знают, что он пинает людей, пока взрослые не смотрят? Знают ли они, как он пытался схватить тебя за ногу, из-за чего ты упала с лестницы? Говорила ли ты, что он подсунул тебе бутерброд сдохлыми жуками?

Он абсолютно отвратителен, но они не верят мне, — сказала я. — В последний раз, когда он был здесь, он начал хитрить с моим компьютером и стер мои записи за все полугодие. Он сказал, что все произошло случайно, а потом расхохотался.

Молли снова простонала:

Вот урод!

Молли, что мне делать, — взывала я. — Он собирается жить здесь не одну неделю.

С минуту Молли молчала. Затем она тихо произнесла:

Прими это, Бритни. Твоя жизнь *кончилась*.

О-о-о-о-о! — крик вырвался у меня из горла, когда я услышала оглушительный треск. Снизу, что ли?

Я чуть не выронила телефонную трубку.

Неужели Этан уже здесь?

Я вбежала в кухню, и увидела, что мама, наклонившись, подбирает с пола обломки разбитой фарфоровой тарелки.

Не могу поверить, что я уронила эту тарелку, — сказала она, качая головой.

У мамы короткие темно-каштановые волосы с белой прядью спереди. Она невысокая, худощавая, энергия всегда бьет из нее ключом. Она довольно красивая, но очки в черной оправе придают ей вид профессора философии или кого-нибудь подобного.

Она всегда куда-то спешит и все время роняет вещи. А тогда она говорит:

Не могу поверить, что я это уронила.

Возможно, ты нервничаешь из-за Этана, — сказала я, нагнувшись, чтобы подобрать зазубренный осколок тарелки. — То же могу сказать и о себе.

Эй, — она ущипнула меня за щеку. Думаю, она не хотела причинить мне боль, но она перестаралась. Я единственный человек на свете, которого она щипает. Мне это непонятно.

Доброе отношение, помнишь? — сказала она. — Все время доброе отношение. Ты ведь обещала.

Я скрестила пальцы, — сказала я.

Как я могу относиться к нему по-доброму.

В последний приезд Этана все закончилось кулачным боем. Представляете себе? Тихая маленькая Бритни Кросби в кровь разбивает нос своему двоюродному братцу, отчего он ревет перед всеми ее друзьями.

Это совсем не в моем стиле. Но он просто сводит меня с ума.

Дай Этану шанс, — сказала мама, отряхивая джинсы. Она всегда носит джинсы небольшого размера, которые ей очень идут. Она такая миниатюрная, что мы могли бы поменяться одеждой. Странно.

У него куча проблем, — продолжала мама, — сейчас его родители уезжают, а когда вернутся — неизвестно. Он неплохой

мальчик, а ведет себя так от одиночества.

Да. Правильно.

Я услышала, как хлопнула дверца машины. Потом из гаража послышался папин голос.

Они уже здесь, — сказала мама. — Помни, Бритни, в этой ситуации ты должна быть взрослой. Начни общение с Этаном по-хорошему, и все будет хорошо.

Постараюсь. Правда, — ответила я.

Я так и думала.

Дверь гаража распахнулась. Папа вошел в кухню, неся два чемодана Этана.

Прибыл новый член нашей семьи.

Этан вприпрыжку шел за папой. На лице у него была широкая усмешка.

Мой двоюродный брат выглядит как милый маленький мальчик. Он невысок, у него бледное лицо, очень светлые волосы, ярко-голубые глаза и хорошенький маленький заостренный подбородок. На нем была серая куртка с капюшоном и мешковатые джинсы.

А что это свисало с его плеча?

Я взглянула на это. Усмехающийся болванчик-чревовещатель.

Привет, тетя Роза, — сказал Этан.

Мама помахала пальцем перед болванчиком.

Что это такое?

Он стащил болванчика с плеча и поднял. У болванчика было безобразное нарисованное лицо, нижняя губа с расщелиной и ужасная ухмылка.

Это мистер Плохиш, — сказал Этан. — Мистер Плохиш — мой лучший друг.

«Незавидно», — подумала я.

Но я заставила себя улыбнуться и сказала:

Привет, Этан!

Этан подбежал ко мне, держа перед собой болванчика.

Мистер Плохиш, — сказал он, — поприветствуй мою кузину Бритни.

Я не смогла увернуться.

Деревянная рука болванчика быстро поднялась и резко опустилась. И — клац! — треснула меня полбу.

О-оо-у-а! — резкая боль прострелила голову.

Я прижала руки к вискам, чтобы хоть как-то унять пульсирующую боль.

Будь поосторожнее с этим, — резко сказал Этану папа.

Я не виноват! — крикнул Этан, отступив от меня. — Это сделал мистер Плохиш.

«Ну вот, опять», — подумала я.

Этан заставил рот болванчика шевелиться.

— Я *плохо-о-о-ой* мальчик! — произнес болванчик пронзительным детским голосом.

Мама повернулась и быстро пошла к холодильнику.

Лучше положить сюда лед, Брит, — сказала она. — Может вскочить шишка.

Я уставилась на Этана. Было ли это случайностью?

Иногда мистер Плохиш не может рассчитать свою силу, — сказал Этан.

Этан, как насчет того, чтобы извиниться? — спросил папа.

Мистер Плохиш просит прощения, — сказал Этан.

Я прошла мимо него и направилась к двери.

Давай забудем о льде, — сказала я, потирая лоб. — Я иду к Молли.

Мама побежала со мной в прихожую.

Возьми Этана с собой, — попросила она.

Мама, пожалуйста, не надо, — сказала я.

Мама положила руки мне на плечи и посмотрела на меня через очки сузившимися глазами.

Бритни, — сказала она, — он только что пришел. Не будь с ним грубой. Помни, что я говорила о хорошем начале.

Он уже поставил мне синяк! — воскликнула я. Но потом сдалась. — Ладно, ладно, — вздохнула я. Увидев Этана у кухонной двери, я крикнула ему:

Хочешь пойти со мной к Молли?

Отлично! — ответил Этан. — Я возьму к ней мистера Плохиша.

«Потрясающе!» — подумала я.

Мы вышли на улицу. Было холодно и ветрено. Наступил вечер, и заходящее солнце постепенно скрывалось за деревьями, отбрасывая на траву длинные тени.

Молли живет на той же стороне улицы, через три дома от меня. Идти недалеко, но Этан все время пытался подставить мне подножку.

Дай мне передышку, — умоляюще сказала я.

В ответ он только хихикнул. Это звучное гиенье хихиканье может свести с ума кого угодно.

Я нажала звонок и спустя несколько минут Молли открыла дверь. На ней были выгоревшие джинсы и желтая футболка, на которой красными буквами через всю грудь красовалась надпись: «Мамба рулит!».

Ее папа всегда привозит ей футболки из различных экзотических уголков, где он бывает. Не спрашивайте меня, где находится Мамба!

Увидев Этана, она застонала.

Пожми руку мистеру Плохишу, — сказал ей Этан. Он вытянул деревянную руку болванчика. — Мистер Плохиш, это Молли, лучшая подруга Бритни.

Замечательно, не так ли?

Нахмурившись, Молли сказала:

Он почти так же отвратителен, как ты, Этан.

Прекрасно! Я засмеялась и хлопнула ее по плечу.

— Я *плохо-о-о-о-о-о-о-о-о-о-ой* мальчик! — сказал болванчик.

— Отлично! — пробормотала Молли.

Она провела нас в свою комнату.

Папа только что вернулся из одной из своих безумных

поездок, — продолжала она. — Мамба. Это остров. Папа очень устал. Думаю, он нашел несколько необычных кукол.

Профессор Моллой в своей сфере деятельности знаменит. Он работает на музеи. Он называет себя фольклористом. Он ездит по всему миру и привозит безобразных кукол с жестоким выражением лица, старинные игрушки, предметы вудуистского культа, черепа и другие вещи.

Некоторые из них он держит в мансарде, которую называет Музеем Необычных Вещей. Он всегда хочет продемонстрировать их. Но мы с Молли не любим подниматься туда. Они отпугивают нас.

Этан прижал рот к моему уху и негромко фыркнул. Я отпрянула от него.

Это не смешно, Этан!

Он хихикнул.

Это потрясающе!

Мы свернули в угол комнаты и столкнулись с мистером Моллоу.

Он высокий крупный мужчина с выступающим животом. Он всегда носит перепачканные белые рубашки и мешковатые брюки, которые постоянно измяты и покрыты пятнами. Его каштановые волосы длинные и находятся в беспорядке. У него широкая улыбка, громкий раскатистый смех, от которого его живот сотрясается, и темно-голубые глаза, которые не мигают, когда с ним говорят. Он любит петь забавным низким голосом.

И он всегда пытается напугать нас с Молли всякими странными историями.

Мой папа называет его Дикарь Моллой.

Он поприветствовал меня и перевел взгляд на Этана.

Я помню тебя, — сказал он. — Ты двоюродный брат Бритни. А что это у нас тут?

Он снял мистера Плохиша с плеча Этана и поднял, чтобы хорошенько рассмотреть его.

Интересно, интересно...

Мистер Моллой тщательно рассматривал деревянную голову.

Он провел пальцем по нижней губе болванчика. Затем, закинув руку под рубашку мистера Плохиша, он привел в движение его рот.

Интересный болванчик, — сказал он. — Этан, откуда этот малый?

Этан пожал плечами.

Мой папа нашел его, но я не знаю, где... Я назвал его мистером Плохишом. Он действительно отвратительный пижон.

Интересно, — повторил мистер Моллой и прищелкнул языком. Он потер руками нарисованные волосы болванчика.

Почему он кажется мне таким знакомым? Ген-м-м. Готов поклясться, что я где-то видел этого болванчика.

Он вернул мистера Плохиша Этану.

У меня есть несколько книг по чревовещанию. Может, захочешь взять почитать какую-нибудь?

Мне не приходится говорить за него, — ответил Этан. — Мистер Плохиш говорит сам за себя.

Мы с Молли переглянулись и округлили глаза.

Да, конечно, — пробормотала я.

Идемте наверх, — сказал мистер Моллой. — У меня есть кое-что интересное, что я хотел бы показать вам, ребята. Кое-что, привезенное из Мамбы.

Может быть, потом, папа, — сказала Молли. — Мы не хотим...

Мистер Моллой сгреб Молли и потащил к лестнице.

Идемте в мансарду, — с дьявольской усмешкой сказал он. — Вы же хотите взглянуть в лицо *чистому злу*, не так ли?

Глаза Этана вспыхнули от волнения.

Классно! — сказал он.

Мы прошли вслед за мистером Моллом в его музей в мансарде. Лестница была узкой и крутой, она скрипела и стонала под нашими ногами.

Когда я поднимаюсь наверх, у меня такое ощущение, будто я вхожу в дом с привидениями. Там слишком темно.

Мистер Молл ой говорит, что яркий свет может испортить некоторые экспонаты.

Он хранит все в шкафах, за стеклом. Все это жутко и необычно. Когда проходишь мимо остекленных шкафов, дюжины глаз смотрят на тебя.

Классно! Посмотрите на это! — воскликнул Этан, указывая на один из шкафов. Я всмотрелась в тусклый свет. Шесть змеиных голов с широко раскрытыми пастьми! Омерзительно!

Мистер Моллой подошел к Этану.

Эти змеиные головы использовались для азартных игр, — сказал он. — Что-то вроде игры в кости. Ты держишь между ладонями, встряхиваешь и швыряешь на пол. Хотите попробовать?

Нет, спасибо, — поспешно ответила Молли и увела отца подальше.

На лице Этана появилось выражение разочарования. Он поднял мистера Плохиша и показал ему змеиные головы.

Длинный узкий череп какого-то животного с двумя рядами острых зубов ухмылялся мне из другого шкафа. Я прошла мимо него и мимо следующего шкафа. Там были две маленькие голубые куколочки с длинными светлыми волосами. Их лица искривились, как будто они плакали.

В следующем шкафу — куча черного меха. Чучело животного. С крошечной мышью между кривыми клыками.

Молли говорит, что после посещения мансарды ей снятся

страшные сны. Не понимаю, как она может уснуть внизу, зная, что все эти страшилища у нее над головой.

Сюда, ребята! — позвал нас мистер Моллой. — Есть кое-что новое, что я хотел бы вам показать.

Мы втроем остановились у шкафа и заглянули внутрь через стекло.

О, меня сейчас стошнит, — простонала я, чувствуя, как у меня сводит желудок.

Меня тоже, — пробормотала Молли.

Это *настоящая* сушеная голова? — спросил Этан.

Мистер Моллой кивнул.

За все время своего путешествия я никогда не видел ничего подобного, — сказал он. — Тело его вырезано из дерева, а к плечам прикреплена настоящая человеческая голова.

Глубоко вздохнув, я стала глядеть на этот экспонат. Лицо сморщено, как сушеная слива, и тошнотворно-зеленого цвета. На месте глаз — две щелочки. Жидкие пряди черных волос вздымались над головой.

Потрясающе! — сказал Этан. — Можно мне поддержать ее?

Не думаю, — ответил мистер Моллой. — Не думаю, что, когда я расскажу тебе историю этой куклы, тебе захочется приблизиться к ней, — он хохотнул, как будто выдал хорошую шутку.

Папа, это действительно мерзко, — сказала Молли, покачив головой.

Она повернулась спиной к шкафу.

Ты ведь не собираешься держать ее здесь, не так ли?

Дай мне рассказать историю этой куклы, — сказал мистер Моллой. — Эта кукла называется Похититель Разума. Согласно легенде, дотронувшись до нее, человек обречен. Ее глаза откроются и начнут мерцать. Вы услышите громкое жужжание. Она украдет разум прямо из вашей головы.

Во рту у меня пересохло. Мне не хотелось смотреть на эту безобразную вещь, но я не могла отвести взгляд.

Говорят, что кукла уже похитила рассудок у двадцати человек, — сказал мистер Моллой. — У двадцати несчастных жертв, ставших безмозглыми и бессмысленными существами.

Я почувствовала, как сзади по шее пробежал холодок.

Этан хихикнул, но я могу сказать, что он тоже был напуган.

Молли продолжала стоять спиной к шкафу с экспонатами, перебросив свои медно-рыжие волосы через плечо.

Мы можем идти? — спросила она.

Я ничего не могла с собой поделать. Подавшись вперед, я более пристально взглянула на куклу. Я глядела на крошечную сморщенную голову. Она была живой. Когда-то это была голова *живого* человека.

Это был мужчина или женщина?

Я приблизила лицо к стеклу. Крик ужаса вырвался у меня, когда кукла прошептала:

Как насчет поцелуя, детка?

В испуге я отступила назад и чуть не сбила с ног Молли.

Мистер Моллой засмеялся.

Хорошо сработано, Этан! — сказал он.

Этан усмехнулся мне.

Я очень хороший чревовещатель, — сказал он. — Я разыграл тебя, Бритни.

Он сплясал чечетку и в конце наступил мне на ногу.

Этан, ты так неостроумен! — воскликнула я, чувствуя, как начинает гореть лицо. Я знала, что краснею. Как нелепо попасться на такую шутку!

Молли обернулась к своему папе.

Ты действительно веришь в этот вздор о лишении разума? — спросила она.

Он почесал голову.

Я воспринимаю все эти легенды всерьез, — сказал он. — Легенды многое рассказывают о людях и их верованиях.

Да или нет? — спросила Молли. — Думаешь ли ты, что эта кукла может отнять разум?

Ее папа помолчал секунду, затем сказал:

Да, думаю я верю в это.

Рот Молли широко раскрылся:

Папа, если ты веришь, что эта ужасная кукла так опасна, зачем же ты держишь ее в доме?

Она находится за тройным стеклом, — сказал мистер Моллой. — Это должно обезопасить ее. — Но, папа...

Я все еще изучаю ее, — сказал он. — Я сделал запрос некоторым экспертам. Это люди, которые знают об этой кукле намного больше, чем я. Я жду их ответа. Спустя некоторое время, думаю, тройное стекло убедит меня в том, что...

Не успел он закончить фразу, как Этан крикнул:

Бритни, ты загораживаешь мне видимость!

И толкнул меня сзади — *на шкаф с куклой*.

Когда я стукнулась лбом о стекло, я увидела, как кукла подпрыгнула.

Затем я услышала громкое жужжание: «Б-з-з-з!»

У меня перехватило дыхание.

О, нет! Мой разум!

О-о-а! Пойдите.

Я снова слышала жужжание.

Мысли роились в моем мозгу.

Нескоро я поняла, что кукла не жужжит. Звук исходил от моего сотового телефона.

У меня вырвался вздох облегчения. Это просто разыгравшееся воображение.

Я вытащила телефон из кармана и раскрыла его. Голосовое сообщение. От моей мамы. «Обед почти готов. Скорее возвращайтесь домой».

Я сказала Молли и мистеру Моллоу, что нам пора идти.

Этан начал хныкать и говорить, что он не хочет уходить. Он хотел остаться и протестировать других странных кукол и прочие загадочные объекты. Но я была рада уйти. Кукла «Похититель разума» была слишком жуткой, чтобы думать о ней. И мистер Моллой признался, что он не до конца уверен в том, что держать ее в доме безопасно.

Я знала, что она будет сниться мне в кошмарах.

Когда мы вернулись домой, мама, как сумасшедшая, носилась по кухне.

На плите стояли две кастрюли, а в духовке жарился цыпленок. Мама смахнула со лба пряди волос и улыбнулась Этану.

Я готовлю своего фирменного жареного цыпленка в честь твоего приезда, — сказала она. — Только он еще не совсем готов.

Она обернулась ко мне.

Почему бы тебе не подняться в комнату Этана и не вынести оставшиеся вещи.

Этан резко дернул меня, отчего я чуть не упала.

Поднимись вверх, Толстомордая, я хочу показать тебе свою комедию с мистером Плохишом.

Толстомордая? — возмущенно воскликнула я. — Не называй меня Толстомордой, Пуговичный Шнобель!

Перестаньте, — сказала мама. Она подняла крышку с кастрюли и отшатнулась от пара. — Обзывать друг друга не остроумно.

Да. Правильно. Не обзывай меня, дурочка, — сказал Этан. Он попытался двинуть меня локтем под ребра, но я увернулась.

Пожалуйста, поднимитесь наверх, — сказала мама. — Пусть Этан покажет тебе свою комедию.

Мама, дай мне передышку, — простонала я. — Этот болванчик такой несуразный.

Мама вновь накрыла кастрюлю крышкой и подтолкнула меня к двери кухни.

Поднимись с ним наверх, Брит, он хочет тебе что-то показать. Это хорошо.

— Но, мама...

И не насмехайся над болванчиком, — прошептала мама. — Бедный Этан, очевидно, нуждается в друге, с которым можно было бы поговорить. И у него появился такой друг. Поднимись к нему в комнату и будь доброй с ним.

У меня вырвался вздох раздражения. Но я изобразила улыбку на лице.

Ладно, Этан, — сказала я. — Давай сделаем это.

Он крикнул «ура» и побежал по лестнице в мансарду. Деревянная голова болванчика стучала на каждой ступеньке, когда Этан тянул его за руку.

Я оглядела мансарду. Моя комната. Я уже начинала тосковать по ней.

Комната была длинная и узкая, с ярко-желтыми стенами. Некоторые мои постеры продолжали висеть на стенах. Мой письменный стол стоял перед окном между двумя кроватями, где мы с Молли часто спали, когда она оставалась у меня ночевать.

«В моей крошечной комнатке для шитья, — подумала я, — нет места для ночевки Молли». Но тут же обругала себя: «Не злись, Бритни. Ты вернешься в свою комнату, когда он уедет».

Этан отодвинул стул от письменного стола и сел, усадив мистера Плохиша на колени.

Я опустилась на пол, уселась на пушистом белом ковре и прислонилась спиной к стене.

Не смейся слишком сильно, — сказал Этан. — Ты причинишь себе вред.

Нет проблем, — сказала я.

Если тебе нужно будет, чтобы я объяснил тебе любую из своих шуток, дай мне знать, — сказал он.

Я закатила глаза.

Просто начни свой спектакль, о'кэй?

Мистер Плохиш усмехнулся мне. Его глаза открылись. У него была такая гадкая ухмылка. Абсолютно злобная.

Бритни, это твое лицо или ты забыла вынести мусор? — спросил болванчик хриплым голосом.

Будь хорошим, — побранил болванчика Этан. — Бритни — моя двоюродная сестра.

Болванчик наклонился ко мне.

Бритни, что-то напоминает мне банан, который я съел за завтраком. О, да! Это твой нос! Болванчик запрокинул голову и разразился смехом, напоминающим крик осла:

Я пяхо-о-о-о-о-ой мальчик!

Это и есть твое представление? — спросила я Этана.

Он покачал головой.

Иногда мистер Плохиш не хочет работать со мной.

Да, правда, — пробормотала я.

Будь хорошим, — укорил болванчика Этан.

Мне нравятся твои длинные волосы, — сказал мне мистер Плохиш. — Очень плохо, что все они растут у тебя на спине!

Я разразилась смехом. Шутка была ужасная, но Этан был действительно хорошим чревовещателем. Я не смогла увидеть движение его губ.

Мистер Плохиш, пожалуйста, — попросил Этан, — будь добрым к Бритни.

Болванчик уставился на меня.

Я знаю, что мы только что познакомились, — сказал он своим резким хриплым голосом. — Но я по натуре романтик и я жажду сказать тебе три слова.

Три слова? — спросила я.

Мистер Плохиш кивнул.

Да. «Бритни, прими ванну!»

Я ничего не могла с собой поделать и снова засмеялась. Я люблю грубые шутки. Думаю, это оттого, что я такая вежливая.

Это твое лицо? — спросил мистер Плохиш. — Или ты стоишь на голове?

Я застонала.

Не обвиняй меня в этих шутках, — сказал Этан. — Обвиняй мистера Плохиша.

Он обернулся к болванчику.

Ты ведешь себя не слишком хорошо, мистер Плохиш, — сказал он.

Тогда перестань вкладывать слова в мой рот, — сказал мистер Плохиш.

Это тоже рассмешило меня.

— Я *плохо-о-о-о-о-ой* мальчик! — воскликнул мистер Плохиш.

Ты потрясающий чревовещатель, — сказала я. — Как ты выучился этому?

Этан посадил мистера Плохиша на кровать и подошел ко мне.

Не знаю, — пожал он плечами. — Может быть, просто напрактиковался.

Я хлопнула Этана по плечу.

Хорошая работа, парень. Думаю, у тебя есть талант.

И вдруг у меня перехватило дыхание. Мистер Плохиш повернул

голову ко мне и раскрыл рот в отвратительном смехе.

Я засмеялась.

Мне вспомнилось, что Этан во время своего последнего визита притворился, что сломал ногу. В панике я набрала 911, а потом он уматывался надо мной несколько дней.

Ни за что больше не куплюсь на его дешевые шуточки.

Прекрасная попытка, — сказала я. — Ты хорошо играешь, Этан. Но неужели ты думаешь, что я совсем несмышленная?

Он не ответил. Вместо этого он изо всех сил наступил мне на ногу.

Я вскрикнула и, отскочив, ударилась о стену.

Ты псих! — завопила я. — Это не смешно! И этот дурацкий болванчик не испугает меня!

Я ждала, что мистер Плохиш снова засмеется или скажет какую-нибудь грубость. Но он не шевелился. Это была просто глупая кукла.

Я отвернулась от своего отвратительного двоюродного братца. Здесь еще оставались кое-какие *I* вещи, которые я должна была перенести в свою новую спальню.

Я взглянула на вставленный в рамку постер «Скаллбоя», исполнявшего рок в городском мюзик-холле Нью-Йорка. И на этом постере стояли автографы всех музыкантов ансамбля.

Баззи — мой любимый член группы. Он выглядит *сногшибательно* на этом постере: без рубашки, с поднятыми вверх кулаками, показывающий все свои татуировки.

Я схватилась за край постера и стала осторожно снимать его со стены.

Э... Бритни, — сказал Этан, — я думаю, что лучше оставить постер в моей комнате.

Прости? — спросила я. — Ты что, шутишь?

«Скаллбой» — любимая рок-группа мистера Плохиша, — сказал Этан.

Прости. Отпадает, — сказала я. — Это и моя любимая рок-группа. И я повешу это в своей комнате.

Этан пытался оторвать мои руки от рамки постера.

Пожалуйста, Бритни, — попросил он тоненьким голоском.

В чем твои *проблемы*? — огрызнулась я.

Я... я хочу, чтобы мистер Плохиш был доволен, — сказал Этан. — Если я сделаю что-то, что ему не понравится, он может причинить мне боль.

На лице Этана застыло выражение ужаса. Конечно, он хороший актер.

Фигушки! Вот что я тебе скажу! — сказала я. — Посади мистера Плохиша к себе на колени, пусть он зайдет в Интернет и закажет свой собственный постер.

На этот раз я рассмешила Этана.

Спускайтесь вниз, — позвала нас снизу мама. — Обед уже на столе.

Сейчас! — крикнула я.

Сняв постер со стены, я отнесла его в свою новую спальню.

На стене у меня было совсем немного места, но я повесила постер над письменным столом.

Вбив в стену крючок, я повесила его рядом со своей любимой картинкой: выполненного маслом портрета нашей старой собаки Фиби, умершей в прошлом году.

Мне не доставало Фиби. При взгляде на картинку мне становилось грустно. Но это определенно мой лучший рисунок и прекрасная память о нем.

Убедившись, что постер «Скалбоя» висит прямо, я поспешно спустилась в кухню.

Мама уронила пластиковую бутылку с апельсиновым сидром. Она стояла на коленях посреди кухни, вытирая лужу.

Не могу поверить, что я уронила это, — пробормотала она.

Схватив несколько бумажных полотенец, я стала помогать ей оттирать пол. Она передала мне полупустую бутылку с сидром.

Лучше ты перенеси ее на стол, — сказала она. — Я бы уронила свою голову, если бы она не была приклеена.

Поверить не могу! — сказала я. — Мы едим в столовой? Мы никогда не едим в столовой, пока не придут гости.

Я подумала о том, чтобы устроить праздник в честь приезда Этана, — сказала мама.

Папа уже сидел за столом, расстилая на коленях салфетку.

Папа как будто не член нашей семьи. Он очень высокий и худой, как огородное пугало. И у него короткие, очень светлые волосы и мохнатые, такие же светлые брови, которые двигаются над его голубыми глазами, как гусеницы.

Мама называет его Блондинистым Уродом. А папа находит это смешным.

Перед ним мама поставила голубое блюдо со своим фирменным жареным цыпленком, ожидавшим, когда его разрежут. Рядом стояла большая миска с картофельным пюре, миски с яблочным соусом и стручковой фасолью. Настоящий праздник.

Как ты провела время со своим двоюродным братом? — спросил папа.

Замечательно, — ответила я. Но прежде чем я успела сказать еще что-нибудь, в кухню вошел Этан, неся на плече мистера Плохиша.

Мама указала ему на стул в конце стола.

Почему ты не садишься здесь, Этан? Рядом со мной? — спросила она. — Давайте сядем и разглядим друг друга, — добавила она, улыбаясь.

Этан колебался. Он быстро оглядел стол.

Но вы не приготовили место для мистера Плохиша, — сказал он.

Мама и папа переглянулись.

Папа пожал плечами.

Мы можем приготовить ему место по диагонали от тебя, — сказала мама. — Рядом с Бритни.

Она взяла циновку и салфетку и постелила их на столе. Затем поспешила на кухню за

столовыми приборами.

Этан посадил болванчика на стульчик, затем обошел вокруг стола и сел.

Папа хихикнул.

Подавать ему обед.

Вдруг глаза мистера Плохиша широко распахнулись, и он прохрипел:

Я бы лучше жрал падаль.

Я расхохоталась.

«Полюбуйтесь. Этан просто уничтожил меня».

Папа бросил на меня взгляд.

Не смейся над этим, Брит. Твоя мама вложила в этот обед много сил.

А? Я? — воскликнула я. — Я этого не говорила. Он сказал! — я толкнула болванчика.

Затем я сделала большой глоток молока.

Она не ощипала цыпленка перед жаркой? — спросил мистер Плохиш.

Я начала смеяться и подавилась. Молоко полилось у меня из носа.

Это еще больше рассмешило нас с Этаном.

Я продолжала смеяться и давиться.

Довольно, Брит! — крикнул папа. — Это не смешно!

Мама вошла в комнату и села.

Что не смешно? — спросила она.

Бритни сегодня строит из себя клоуна, — нахмурившись, ответил папа.

Почему вы привязались ко мне? — воскликнула я. — Я не виновата. Этан...

Возьми себе картофельного пюре, — сказала мама, пододвигая ко мне миску. Она повернулась к Этану. — Ты рад, что у тебя

большая комната?

Прежде чем Этан смог ответить на этот вопрос, мистер Плохиш вмешался в разговор:

Я от счастья щас прямо описуюсь!

Я не смогла сдержаться и расхохоталась.

Ложка с картофельным пюре вылетела у меня из руки. Большой комок пюре, пролетев через стол, шлепнулся папе на рубашку.

Я видела, как картошка скользнула в карман, и так расхохоталась, что у меня перехватило дыхание.

Бритни, может быть, ты выйдешь из-за стола и успокоишься? — спросила мама.

Папа сердито уставился на меня.

Ты напрашиваешься на неприятности, — сказал он.

-Я? Почему л? — выдавила я из себя. — Это не моя вина!

Просто садись и ешь, — сказала мама.

Все просто великолепно, — сказал папа.

И снова мистер Плохиш высказался за столом. Он прохрипел:

Да я блюю и от лучшей жратвы, чем эта.

На следующее утро в школе я увидела Молли в кабинете рисования. Она работала над новым проектом. Молли увлекается рисованием еще больше, чем я.

У нее есть несколько классных идей.

Она воображает всякие несуществующие планеты и рисует их. Затем она скачивает из Интернета фото звезд кино и эстрады, печатает их и добавляет к своим картинам.

Это трудно описать, но мистер Вела, наш учитель рисования, в восторге от этого. Он говорит, что, если Молли нарисует хотя бы дюжину, это можно послать на выставку.

Я пытаюсь убедить ее нарисовать одну картину с Баззи из группы «Скаллбой», но она говорит, что ненавидит Баззи и все, что с ним связано.

Вау!

Как бы то ни было, это не разбило нашу дружбу. Я уверена, что когда-нибудь смогу убедить ее в том, что она в корне права.

Пододвинув к ней стул, я села рядом.

Эй, Молли, — сказала я. — Мне нравится лилово-зеленое небо. Это классно!

Она подняла глаза от рисунка.

Брит, как получилось, что ты так опоздала сегодня утром?

Конечно, из-за Этана, — сказала я и, взяв чистую кисточку, притворно ткнула себя рукояткой. — А-а-а-а-а!

Милый мальчик, — саркастически сказала Молли, добавляя мазки к группке деревьев.

Мама приготовила на завтрак оладьи, — сказала я. — Ты же понимаешь, первый школьный день Этана. Все делается специально для Этана. И ты знаешь, что этот урод сделал? — я швырнула кисточку на стол. — Он рассмешил меня, и я пролила кленовый сироп на волосы и футболку. Мне пришлось вымыть голову и переодеться. А сейчас у меня большие проблемы с миссис Хагерти

из-за опоздания. Я бы убила этого подонка!

Значит, все прекрасно, — пошутила Молли.

Не смешно, — пробормотала я.

Каким образом он ходит в местную школу? — спросила Молли, сосредоточенно работая над деревьями.

Потому что никто не знает, сколько времени он будет жить у нас. Папа подбросил его в начальную школу сегодня утром, а мне придется дожидаться половины четвертого, чтобы забрать его.

Молли фыркнула.

Он взял с собой в школу этого уродливого болванчика?

Нет, — ответила я. — Он сказал нам, что мистер Плохиш любит поспать подольше.

Он совсем спятил, — сказала Молли. — Он верит, что мистер Плохиш живой?

Мелкий клоун пытается убедить меня в том, что болванчик живой, — сказала я. — Хорошая шутка.

Молли, прищурившись, посмотрела на меня.

Так ты не веришь в это?

А? Верю ли я в то, что мистер Плохиш живой? Конечно, нет!

В этот вечер я обедала у Молли. Ее папа отправился в очередное длительное путешествие. Марджи, домработница, которая остается в доме Молли, когда ее папа в отъезде, заказала для нас пиццу пепперони, пару салатов и шарики мороженого на десерт.

Была ли я довольна? Ну да. Пепперони я люблю. Но главное, мне не приходилось сидеть за столом напротив Этана.

После обеда мы с Молли сидели у ее монитора, просматривая последние сплетни из «Места Лиц» — нашей школьной доски объявлений.

Спальня Молли почти такая же маленькая, как и моя новая комната. Она повесила на одну из стен свои рисунки — от пола до потолка, и это просто потрясающе.

Угадай, кто хочет принести своего болванчика в школу, — спросила я.

Молли покачала головой.

Неужели его не волнует, что его сочтут придурком?

Я пожала плечами.

Я не могу понять это. Думаю, он просто хочет быть в центре внимания.

Мой папа говорит, что он уже где-то видел болванчика Этана, — сказала Молли. — Он просто не может вспомнить где.

Давай не будем говорить об этом, — сказала я и взглянула на часы. Почти половина девятого. — Я, пожалуй, пойду домой и напишу очерк. Я и так у миссис Хагерти в черном списке.

О! Посмотри на это, — сказала Молли, вперив взгляд в монитор. — Фотография Сиди Сигал, сделанная у нее на дне рождения на прошлой неделе. О, вау! Не могу поверить, что она разместила это в Интернете. Видели бы это ее родители.

Закончилось тем, что я просидела у Молли еще час, а потом побежала домой писать очерк. Его нужно было сдать завтра, и я знала, что не могу отнестись к этому безответственно.

Мама и папа сидели в кабинете и смотрели фильм по телевизору. В доме пахло попкорном. Они ели попкорн чуть ли не каждый вечер.

Они говорят, что в нем мало калорий, и поглощают его огромными мисками.

Я начала было подниматься по лестнице в мансарду, но потом вспомнила, что эта комната уже не моя. Поэтому я повернулась, прошла через коридор и вошла в маленькую комнатку для шитья.

Я включила свет, и у меня перехватило дыхание.

— О, нет....

Мой постер.

Мой постер «Скаллбоя».

Рамочка и стекло были раздавлены. Я увидела осколки на полу.

Застыв, я стояла в дверном проеме, не в силах сделать хотя бы шаг и отвести взгляд от разбитого стекла.

А потом я увидела, что мой постер разорван посередине. Он был разорван надвое. А лицо Баззи... исчезло. Он было оторвано.

Сердце колотилось. Я похолодела, как будто комната обледенела.

Я несколько раз моргнула, как будто стараясь отогнать это видение.

А потом я остановила взгляд на портрете Фиби. У меня снова перехватило дыхание, когда я увидела красные усы на морде собаки. И красные мазки на ее глазах.

О-о-о-о-у! — я с такой силой сжала кулаки, что ногти впились в ладони.

Я сделала глубокий вдох. Еще один. Но я не могла успокоиться.

Это последняя капля, Этан, — процедила я сквозь зубы. — Это не смешно. Это гадко и низко.

Я повернулась и направилась к лестнице, ведущей в мансарду.

Что я собиралась делать? Я не знаю. Я не могла четко мыслить. Красные усы стояли у меня перед глазами.

Я была в такой ярости! Мне хотелось разорвать его пополам — так же, как он разорвал мой постер.

Я зашагала по лестнице. Руки мои все еще были сжаты в кулаки.

На этот раз ты зашел слишком далеко, — пробормотала я. — Слишком далеко.

Я ворвалась в комнату. Там было темно, за исключением бледного отсвета ночника на полу. Я чуть не споткнулась о кучу грязной одежды, брошенной посреди ковра.

Пинком отбросив джинсы с дороги, я бросилась к кровати Этана.

Этан?

Только спустя некоторое время, когда мои глаза адаптировались к тусклому серому свету, я увидела растянувшегося на кровати болванчика. Голова его покоилась на подушке.

— Этан...?

Никакого ответа. Этана в постели не было.

«Что это?»

Я услышала звуки льющейся воды, доносившейся из ванной

комнаты.

«Этан, наверное, в душе», — подумала я.

Застыв, я стояла, то сжимая, то разжимая кулаки.

А затем я вскочила, потому что болванчик зашевелился.

Голова его дернулась. Мистер Плохиш быстро сел. Деревянные веки щелкнули, и голубые глаза раскрылись.

Отвратительный болванчик повернул голову и устремил взгляд на меня.

Я слышала хриплый шепот:

— *Я не люблю тебя, Бритни.*

Дыхание у меня перехватило. Я попятилась и ударилась о стену.

Болванчик смотрел на меня со своей отвратительной ухмылкой. Затем он медленно опустился на подушку.

«Этого не может быть, — говорила я себе. — Но это так. Здесь происходит что-то очень страшное.

Этан внизу. Болванчик сел сам.

И говорил!

И он ненавидит меня!»

Ноги мои дрожали, когда я с трудом отошла от стены. Я не сводила глаз с мистера Плохиша.

Его все еще широко раскрытые глаза смотрели в потолок. Но он больше не шевелился.

Я прокралась к двери, вновь споткнувшись о брошенные на пол джинсы. Пошатываясь и тяжело дыша, дошла до лестницы.

«Я не люблю тебя, Бритни!»

Грубый хриплый голос болванчика все еще звучал у меня в ушах.

Ты не живой! — крикнула я, спустившись через две ступеньки. — Ты не можешь быть живым!

Я не могла держать это в себе. Мне было слишком страшно. Я должна рассказать об этом маме и папе.

Я ворвалась в кабинет. Там было темно, за исключением мерцающего экрана телевизора. Они

всегда выключали свет, когда смотрели фильм.

Они сидели рядом на кушетке, и на коленях у них стояли миски с попкорном. При моем появлении мама вскочила. Она пыталась удержать миску с попкорном, но ей это не удалось, и попкорн рассыпался по полу.

Бритни, ты испугала меня! — воскликнула она. — Смотри, что я

наделала из-за тебя!

Папа остановил просмотр и, сощурившись, посмотрел на меня.

Что у тебя за проблема?

Я... я... — заикаясь, произнесла я. — Что-то... — у меня перехватило дыхание.

Папа притянул меня к кушетке. Я опустилась на нее рядом с мамой.

Ты вся дрожишь, — сказала мама. — Ты не заболела? У тебя нет жара? %

Это... болванчик, — с трудом выдавила я. — Болванчик Этана.

Они уставились на меня.

Это звучит как безумие, — сказала я. — Я знаю это. Но я говорю правду. Он живой. Он в самом деле живой.

Мама обняла меня за плечи.

Сделай глубокий вдох, Бритни, — мягко сказала она. — Ты не соображаешь, что говоришь.

Начни сначала, — сказал папа. — Мы не понимаем о чем ты говоришь. Так что же случилось с болванчиком Этана?

Я сделала глубокий вдох и выдох.

Мой рисунок Фиби. Он... он испорчен. А мой постер «Скаллбоя» разорван пополам. Я была уверена в том, что это сделал Этан и побежала к нему в комнату.

Твой постер с изображением «Скаллбоя»? — спросила мама. — Ты уверена, что рамка сама не упала со стены?

Я уверена, — сказала я. — Я побежала в комнату Этана, но его там не было. Он был в душе. Но... болванчик. Он... сел!

Я увидела, как мама с папой переглянулись. Мама пощупала мой лоб.

У меня нет жара! — завопила я, отталкивая ее руку. — Послушайте меня! Болванчик сел сам. И заговорил. Он сказал: «Я не люблю тебя, Бритни». Я это не выдумываю. Он это сказал мне.

Ты заснула, — сказал папа, потирая подбородок. — Тебе

приснился кошмар. Помнишь, как ты ходила во сне?

Папа, мне тогда было три года! — воскликнула я. — Я не спала. Это было сразу после моего возвращения от Молли. Я бодрствовала.

Я вскочила на ноги, дрожа всем телом.

Вы поверите мне или нет?

Мама взбила подушки на кушетке.

Садись, Брит.

Я покачала головой и скрестила руки на груди.

Как мы можем верить тебе? — спросил папа. — Это же безумие.

Болванчик не мог говорить сам, — сказала мама. — Этан разыграл тебя. Бьюсь об заклад, что он был под кроватью или в кладовой.

Я думаю, ты проводишь слишком много времени у Молроев, — сказал папа. — Дикарь Молл ой и его странные куклы породили у тебя странные мысли, Брит. — Он пожал плечами. — Может быть, тебе не стоит так часто общаться с Молли?

Что? — сердито выкрикнула я. — Я должна потерять свою лучшую подругу из-за этого злобного уроды Этана?

Не называй его так, — резко оборвала меня мама. — Он твой двоюродный брат. Член семьи. И мы должны ему помочь.

Мы хотим, чтобы ты вела себя как взрослая, — сказал папа. — Если ты будешь сочинять абсурдные истории об оживших болванчиках, пользы от этого не будет.

Папа, я это не придумываю, — произнесла я дрожащим голосом, все еще сжимая руки в кулаки. Я чувствовала, что теряю терпение.

Я до боли закусила губу. Ни в коем случае нельзя было расплакаться.

Я знаю, это кажется безумием, — сказала я. — Но болванчик живой. И он — зло.

Они уставились на меня, как на сумасшедшую.

Я повернулась и выбежала из кабинета. Вбежав в свою комнату, я с силой захлопнула дверь.

В комнате я бросилась на кровать, но не заплакала. Я была слишком зла, чтобы плакать.

Мои родители отказались выслушать меня. Отказались верить мне. Мои родители обошлись со мной, как с полоумной.

Я повернула голову и уставилась на свой порванный постер и на портрет своей собаки с красными мазками.

Две мои любимые вещи испорчены. Я не придумала это. Доказательства были здесь. На стене.

Я на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Неужели родители отмахнулись от моей истории и вернулись к фильму?

Нет. Внизу было тихо. Возможно, они убирали рассыпанный попкорн и обсуждали, как им поступить со своей проблемной дочерью.

Я взяла сотовый телефон и хотела позвонить Молли, но поняла, что звонить слишком поздно.

«Я никогда не смогу уснуть, — думала я. — Как я могу спать, зная, какое зло поселилось в моем доме?»

Переодевшись в ночную рубашку, я забралась в постель и укрылась с головой. Но перед глазами все еще стояли порванный постер, красная краска на моем рисунке, болванчик... Злой болванчик, поднимающий голову и произносящий свои отвратительные слова: *«Я не люблю тебя, Бритни»*.

Как бы то ни было, я уснула крепким сном без сновидений.

На следующее утро я натянула джинсы и свитер и приготовилась идти в школу. Я чувствовала усталость, как будто и вовсе не спала.

Каждый раз, когда я смотрела на постер и рисунок, мой желудок сводило от леденящего ужаса.

Я выглянула из окна. Было серое утро. Темные тучи висели низко в небе. Темнота соответствовала моему настроению.

Выйдя из комнаты, я направилась к лестнице. Из кухни доносились запахи жарящегося бекона и кофе. Я услышала позади себя шаги и увидела Этана, идущего вниз по лестнице с болванчиком в руках. Я притворилась, что не вижу его, и продолжала спускаться.

Я была уже почти на пол пути, когда услышала, как Этан

крикнул:

— *Бритни, берегись!*

— Эй!

Я вскрикнула, когда почувствовала, как деревянная рука толкнула меня в спину. Споткнувшись, я попыталась схватиться за перила, но неудачно. И с криком начала падать вниз головой.

0-0-0-0-ой!

Прикрывая голову руками, я на всем протяжении лестницы ушибалась довольно болезненно.

Оу. Оу. Оу, — я приземлилась на спину, все еще защищая голову руками, и попыталась отдышаться. Я была слишком оглушена, чтобы пошевелиться.

Я лежала, ожидая, когда боль стихнет, и во все глаза смотрела на Этана, все еще стоявшего на лестнице, и на мистера Плохиша.

Лицо Этана побледнело, глаза были широко раскрыты от ужаса.

Бритни, с тобой все в порядке? — спросил он тонким испуганным голосом.

Что происходит? — спросила мама из кухни.

Этан бросился ко мне. Болванчик подскакивал у него на руках.

Бритни упала! — крикнул Этан.

«Я не упала, — подумала я. — Меня толкнул болванчик».

Я потеряла ушибленный локоть, чувствуя пульсирующую боль. Все остальное было в полном порядке Этан схватил меня за руку и попытался поднять.

Мама прибежала с кухни.

О, нет! Бритни? Ты упала с лестницы?

Всего с нескольких ступенек, — сказала я. — Ничего страшного, мама.

Зачем говорить правду? Поверит ли она мне, если я скажу, что меня толкнул болванчик?

Да. Конечно.

Она скажет, что во всем виновато мое необузданное воображение или что я смотрю слишком много фильмов ужасов.

Я поднялась на руки, потирая ушибленный локоть.

Со мной все в порядке. Правда.

Бекон подгорает, — сказала мама. — Идите завтракать, — она повернулась и побежала к плите. Я взглянула на Этана.

Нам необходимо поговорить, — сказала я.

Он отвел взгляд. Было видно, что он сильно испуган.

Послушай, Брит, я...

Но прежде чем он успел сказать хоть что-нибудь, болванчик наклонил голову к моему уху хрипло произнес:

Никогда больше не трепись обо мне!

Конец дня прошел как в тумане. Я не могла вычеркнуть из памяти слова болванчика. Мне отчаянно захотелось поделиться с Молли. Но она весь день была в отъезде на какой-то выездной практике.

Я позвонила ей после школы, но она не могла разговаривать. Она собиралась навестить своих родственников в соседнем городе.

Она не перезвонила мне и поздно вечером. Я надевала ночную рубашку, готовясь ко сну, когда раздался звонок по мобильнику. Она заговорила прежде, чем я успела ответить на звонок.

Молли? Что случилось? — спросила я. Голос ее был совсем безжизненным.

Бритни, скорее, — сказала она. — Ты должна помочь мне. Мы должны закопать ее.

Что?

Молли, о чем ты говоришь? — прошептала я.

Мне не разрешают так поздно говорить по телефону.

Кукла, — сказала Молли задыхаясь. — Эта ужасная кукла с высохшей головой. Я не могу оставлять ее в доме. Пожалуйста, выйди. Мне нужна твоя помощь.

Но уже больше одиннадцати, — прошептала я. — Если меня заметят...

Бритни, это вопрос жизни и смерти, — сказала Молли. — Я не шучу. Ты мне *нужна!*

Я сейчас оденусь, — сказала я, — и проскользну в заднюю дверь. Дай мне две минуты.

Спустя две минуты я дворами добежала до дома Молли. В соответствии с погодой трава была мокрой и скользкой. Сильные порывы ветра заставили меня нагнуть голову.

В доме Молли было темно, и только в окне мансарды горел свет. Но она стояла у задней двери и ждала меня. Она схватила меня за руку и потащила в кухню.

Она уже надела желтый плащ-дождевик и натянула капюшон на голову.

Нам нужно спешить, — прошептала она.

Молли, я... я не понимаю, — сказала я. — Скажи мне, что случилось с куклой?

Она откинула капюшон, и я увидела выражение страха в ее глазах.

Похититель Разума. Мой папа... он ошибался. Мы должны закопать эту пакость. На кладбище.

Я посмотрела на нее, прищурившись.

Ты не шутишь? Где твой папа?

Где-то на острове, — сказала она. — Думаю, недалеко от Австралии. Я пыталась ему позвонить, но не знаю, работает ли его мобильник.

Но... почему мы должны закопать эту куклу? Это просто безумие, не так ли?

Мне позвонил какой-то человек, — сказала Молли. — Несколько минут назад. Из Мамбы. Он сказал, что папа интересовался куклой Похититель Разума. И... и...

Молли, что он сказал? — спросила я.

Он сказал, что сделал кое-какие исследования для моего папы. Он разговаривал с людьми в Мамбе. Могущество куклы смертельно опасно. Ее нельзя держать в доме. Но папа не знал. Мы должны закопать ее... на кладбище.

Я уставилась на нее.

Он это говорил всерьез?

Вполне, — сказала Молли. — Он сказал, что куклу нужно вынести из дома сегодня же вечером. Он сказал, что, может быть, все это — старинная легенда. Но мы не можем рисковать. Это слишком опасно, — онахватила меня за руку. — Ты должна помочь мне, Брит. Мне по-настоящему страшно. Я знала, что с этой куклой будут проблемы. Но папа... он иногда не воспринимает такие вещи всерьез.

А как насчет Марджи? — спросила я. — Твоей домработницы.

Может она помочь нам?

У нее грипп, — ответила Молли. — Я не могу просить ее выйти.

Молли в страхе смотрела на стеклянный ящик.

Я понесу ящик с куклой, — сказала она и вздрогнула. — В гараже есть лопата, ты можешь ее понести.

Вот так мы с Молли оказались на небольшом кладбище в трех кварталах от наших домов.

Было около полуночи. В соседних домах не горел свет. На улице ни машины. Ночь была

безлунная. Холодные капли дождя падали на нас.

И в эту ночь мы, сменяя друг друга, копали твердую землю. Внутри стеклянного ящика лежала злая кукла, уставившаяся на нас пустыми глазницами своей сморщенной зеленой головы.

Ветер завывал. Старые могильные камни скрипели и стонали.

Сможем ли мы закопать эту куклу прежде, чем она сделает с нами что-то ужасное?

Может ли она стать еще страшнее?

Да.

Яма была глубиной минимум два фута. Почти достаточно. Я вонзила лезвие лопаты в землю.

И вдруг, когда старый могильный камень наклонился, я увидела разворошенную грязь у основания надгробья.

Затем из-под него высунулась бледная рука.

Поздно. Я увидела, что слишком поздно увернуться.

Она схватила меня за лодыжку. Холодные пальцы на моей коже.

Я пронзительно завизжала.

Этан! — у меня перехватило дух. — Что ты здесь делаешь?

Заставил тебя завизжать! — сказал он, отпустив мою лодыжку. Затем выпрыгнул из-за могильного камня и начал приплясывать, хохоча, как гиена.

Молли сильно толкнула его, и он упал на спину, на старую

гранитную плиту.

Ты подонок! — отрезала она. — Ты следовал за нами сюда?

Он усмехнулся:

Вы закапывали эту дурацкую куклу? Вы совсем ненормальные.

Дождь усилился и барабанил по земле. Я притворилась, что душу Этана.

Мне бы хотелось закопать *тебя!* — сказала я.

Я знаю, что случится сегодня ночью, — сказал Этан. — Вы обе превратитесь в тыквы.

Это не шутка, — сказала Молли. — Убирайся, Этан! — и она снова толкнула его. — Если ты не хочешь помочь нам. Мы должны закопать куклу. Она действительно похищает разум.

Этан хихикнул:

Вы уже обе лишились рассудка!

При яркой вспышке молнии показалось, что уродливая кукла шевелится. Я почувствовала, как холодная волна прокатилась по спине.

Вонзив лопату поглубже, я выбросила еще один ком грязи.

Думаю, что здесь.

Этан посмотрел на нас с Молли и осторожно... осторожно... поднял стеклянный ящик. Отвратительная маленькая голова скатилась к другому бортику. Деревянные руки куклы подпрыгивали под стеклом.

Внутри, в яму. Мы медленно опустили ящик. Стеклянный ящик от дождя был на ощупь скользким и мокрым. Но мы опустили его в яму. Затем мы начали яростно забрасывать яму грязью.

Зарыли.

Зарыли подальше от чьих-нибудь глаз. Там, в глубине, злые силы никому не причинят вреда.

А затем мы втроем, подгоняемые ветром и дождем, побежали домой. Молли улыбалась. В конце концов, она могла чувствовать себя в безопасности в своем доме.

А я? Я не смогу чувствовать себя в безопасности с ожившим болванчиком, превращающим мою жизнь в чудовищное шоу...

Мама, пожалуйста, не заставляй меня брать с собой Этана, — взмолилась я.

Мама прикусила губу.

Бритни, у тебя нет выбора, — сказала она. — Ты обещала ему, помнишь? Ты должна его взять.

Она поправила волосы перед зеркалом в прихожей и взяла ключи от машины. Это происходило

на следующий день, около четырех часов дня. Мама собиралась отвезти нас в Сансет Хаус^[1] — дом- интернат нашей двоюродной бабушки.

Бритни, ты взяла с собой все принадлежности для рисования? — спросила она. — Положи их в тубус.

Она направилась к двери, но я схватила ее за руку.

Мама, ты меня не слушаешь, — сказала я. — Если мы возьмем с собой Этана, случится что-то ужасное.

— Прекрати сейчас же, — сказала она. — Позови своего двоюродного брата. Он репетирует наверху.

Горло мое сжалось и пересохло.

Я знаю, что ты мне не веришь, — сказала я. — Но я это не придумываю. Мистер Плохиш — *живой*, мама, он — живой, и он — злой.

Мама швырнула ключи от машины на полку в коридоре и сердито взглянула на меня.

Довольно, — сказала она. — Довольно, довольно, довольно. Ты ведешь себя совсем как ребенок, Бритни.

Но, мама, я могу доказать это, — сказала я.

Она подняла руку.

Хватит. Хватит. Больше ни слова. Ни слова об этом болванчике.

У меня перехватило горло. Я почувствовала такую обиду и гнев.

До приезда Этана мама всегда верила мне. Она всегда доверяла мне и говорила, какая я взрослая. А сейчас...

Она указала на лестницу.

Пойди приведи Этана. Тетушка Рут ждет нас.

Испустив протяжный вздох, я направилась к лестнице. Я знала, что, если приведу Этана и мистера Плохиша, что-нибудь ужасное обязательно произойдет.

Но что я могла поделать?

Спустя некоторое время мама подогнала машину к въезду в Сансет Хаус. Мы прошли мимо высоких заборов и клумб с розовыми и желтыми цветами. Люди сидели в креслах возле пенящегося фонтана, читали или беседовали.

Дом был большой, кирпичный.

Полуденное солнце отражалось от множества оконных стекол, из-за чего казалось, что дом светится.

Я выхватила из тубуса принадлежности для рисования и помахала отъезжающей маме. Тетушка Рут уже ожидала нас с Этаном в вестибюле.

Ей почти восемьдесят пять лет, но она выглядит намного моложе своего возраста. У нее короткие черные волосы. Она накладывает на лицо много грима и красила губы яркой губной помадой. Сейчас на ней были выгоревшие джинсы с вышивкой на карманах и бледно-голубая рубашка, перетянутая в поясе.

Обняв нас с Этаном так, что захрустели кости, она принялась болтать со скоростью миллион слов в минуту, расспрашивая обо всех членах нашей семьи.

К нам, улыбаясь, подошла невысокая полная женщина с седыми волосами. Она была одета в серый брючный костюм.

Бритни, это так хорошо с твоей стороны, — сказала она.

Здравствуйте, миссис Берман, — сказала я. Миссис Берман директор дома для престарелых. — Это мой двоюродный брат Этан. Он собирается устроить представление с болванчиком.

Как прекрасно, — сказала она. — Пойдемте туда. Зрители ждут вас в комнате отдыха.

Мы прошли вслед за ней через холл и вошли в комнату. Складные кресла стояли в три ряда.

Когда мы вошли, зрители (а их было около двадцати человек) повернулись в нашу сторону. У многих из них волосы были совсем белыми. Двое сидели в инвалидных креслах, многие пользовались ходунками или тростями.

Я положила свой ящичек с красками и начала закреплять мольберт.

Этан уселся в углу и с размаха усадил мистера Плохиша себе на колени.

Это Бритни Кросби, племянница Рут, — объявила миссис Берман. — Она хочет дать вам всем урок рисования. А потом Этан, двоюродный брат Бритни, устроит для вас кукольное представление.

Это *Этан*! — крикнул мистер Плохиш.

Зрители что-то пробормотали. Кто-то засмеялся.

Я открыла баночки для красок и повернулась к зрителям.

Я знаю, что многие из вас любят рисовать карандашом и красками, — сказал я, — поэтому я подумала...

Погромче, пожалуйста! — крикнула женщина в одном из передних рядов.

Поэтому я подумала, что сегодня...

Она глухая! — крикнула другая женщина. — Она не услышит тебя, как бы ты не надрывалась.

Многие засмеялись. Тетушка Рут повернулась и дала знак успокоиться.

Я сделала глубокий вдох и продолжила.

Поскольку мы находимся в Сансет Хаус, я подумала, что могу научить вас рисовать солнечный закат всего лишь двумя красками: красной и желтой.

Я взяла кисточку и начала смешивать краски.

Может быть, она сможет раскрасить мою комнату! — сказал мужчина в заднем ряду сидевшей рядом женщине.

Может быть, она сможет раскрасить мои ногти! — сказала

женщина.

Они оба говорили очень громко. Должно быть, страдали тугоухостью. Я почувствовала, как ноги начали дрожать. Мама предупреждала, что это нелегкая публика.

Я повернулась и увидела улыбающуюся тетю Рут. Я решила смотреть на нее весь оставшийся сеанс.

Что она рисует?

Не понимаю современное искусство!

Смотрите, она накапала на пол.

Я пожалела, что не вставила беруши. Но продолжала работать. Солнечный закат получился очень красивым, возможно, лучшим в моей практике.

И когда я отошла, все закричали и зааплодировали, даже женщина, которая говорила о ногтях. А тетушка Рут послала мне воздушный поцелуй.

Я была по-настоящему счастлива. Но я знала, что последует за этим, и у меня от страха сводило живот.

А вот и Этан, — объявила я, — со своим лучшим другом, мистером Плохишом.

Когда Этан проходил мимо, я шепнула ему:

Смотри, ничего не напутай.

Постараюсь, — шепотом ответил он.

Почему он был так напуган?

Этан притащил складное кресло в переднюю часть комнаты. Он сел и покачал болванчика на коленях.

Кто из них Этан? — громко прошептала какая-то женщина. Несколько человек засмеялись.

Этан прокашлялся и повернулся к ухмыляющемуся болванчику.

Ты ведь будешь сегодня хорошим мальчиком, не так ли, мистер Плохиш?

Мистер Плохиш покачал головой.

Я плохо-о-о-ой мальчик! Знаешь, как я могу определить, что человек *старый*? — спросил он Этана. — Как?

— По *запаху*! — мистер Плохиш запрокинул голову и хохотнул.

Это не смешно! — побранил его Этан.

Да, — ответил мистер Плохиш. — Эта шутка *воняет*. Так ведь они тоже!!!

У нескольких человек перехватило дух. В комнате воцарилась тишина.

Мистер Плохиш щелкнул челюстями.

Этан, знаешь ли ты разницу между старикашкой и дорожной падалью?

Нет, — ответил Этан.

— *Я тоже!* — ответил мистер Плохиш и визгливо расхохотался.

Это недопустимо! — крикнула с другого конца комнаты миссис Берман. — Этан, твои шутки доведут кого-нибудь до инсульта!

А *твоя рожа* доведет до инсульта *меня!* — воскликнул мистер Плохиш. — Я видел прыщи, которые куда симпатичнее тебя.

Я закрыла глаза. Мне захотелось исчезнуть. Этого не может быть.

— *Я плохо-о-о-ой* мальчик! — завопил мистер Плохиш.

Он повернул голову к женщине с вьющимися белыми волосами.

Это новая юбка? — спросил болванчик. — Или ты носишь свои кишки снаружи?

Миссис Берман ринулась в переднюю часть комнаты, сжав руки в кулаки. Лицо ее было таким же красным, как мой закат.

Этан, я должна попросить тебя прекратить это, — сказала она.

Этан вскочил.

Мне действительно очень жаль, — сказал он. — Иногда мистер Плохиш выходит из-под контроля. Но я знаю, что сейчас он исправится.

Мистер Берман уставилась на него.

Твои шутки недопустимы, — сказала она.

Я обещаю, что он будет вести себя хорошо, — сказал Этан, нервно взглянув на меня. Затем он вновь повернулся к зрителям. — Мне нужен доброволец. Может ли кто-нибудь подойти. Может ли кто-нибудь подойти и побеседовать с мистером Плохишем? Вы, мэм? Обещаю, что он будет вести себя хорошо. Пожалуйста, подойдите.

Я почувствовала, что не могу выдохнуть. Что задумал Этан? Или, что еще важнее, что задумал мистер Плохиш?

Этан продолжал уговаривать зрительницу, и седовласая женщина в цветастом желтокоричневом халате встала и медленно пошла к ухмылявшемуся болванчику.

Она пожала руку мистеру Плохишу.

Ты собираешься быть *хорошим* мальчиком? — спросила она, улыбаясь Этану.

Мистер Плохиш моргнул.

Мне нравится твое платье, — сказал он. — Интересная расцветка. Или это ты выплонула свой завтрак? Я задохнулась. Теперь у меня не было сомнений: болванчик живой и неконтролируемый. Женщина засмеялась.

Ты непослушный, — сказала она. — Кто-то должен тебя *отшлепать*.

Мне бы хотелось отшлепать тебя, — ответил мистер Плохиш, —

но, глядя на твое лицо, я не могу сказать, с какого конца шлепать!

Я обернулась и увидела миссис Берман. Она хмурилась и качала головой.

Какой цвет тебе нравится в рисунке Бритни? — спросил женщину мистер Плохиш. — Красный или желтый?

Она рассмотрела мой рисунок.

Думаю, что красный.

А затем... все произошло так быстро, все было как в тумане.

Я видела, как баночка с красной краской взмыла в воздух. Она была в руке мистера Плохиша¹ Или ее держал Этан?

Я не видела. Но я увидела, что баночка взмыла высоко в воздух и красная краска вылилась на нее.

С громким плеском она вылилась на лицо женщины, потекла по ее щекам, юбке и разлилась у ее туфель.

Ее рот раскрылся от шока. Она отступила назад, вытирая краску с глаз. Но мистер Плохиш еще не закончил.

Теперь в воздух взвилась банка с желтой краской. Мощная волна густой желтой краем вылилась на волосы женщины.

Я плохо-о-о-ой мальчик! — крикнул мистер Плохиш.

Миссис Берман одним прыжком приблизилась к Этану и попыталась вырвать болванчика из его рук. I

Я подбежала, чувствуя головокружение. Я понимала, что должна чем-нибудь помочь.

Но я споткнулась о свой мольберт. Все рухнуло, и я упала лицом вниз на собственный рисунок,

Ой! — простонала я и попыталась подняться. На моем свитере были красные и желтые пятна.

Я слышала, как люди выходят из комнаты. Некоторые плакали. Другие сердито кричали.

«Катастрофа, — думала я. — Полнейшая катастрофа».

Подняв глаза, я уставилась на отвратительного болванчика. Когда я посмотрела на него, он запрокинул голову и разразился

оглушительным хохотом.

Молли, где твой папа? Я должна с ним поговорить.

В тот вечер я была слишком расстроена, чтобы пообедать.

Я бросилась в свою комнату и опустилась на край кровати, предварительно захлопнув перед собой дверь. Затем набрала номер Молли на своем сотовом телефоне.

Я говорила тебе, — сказала Молли. — Он на каком-то острове возле Австралии. Со времени его отъезда я не слышала от него ни слова.

Хорошо, когда же он приедет? — голос мой прервался. — Это очень срочно.

С минуту Молли молчала.

— Брит, выходи. Тебе будет лучше, если ты выйдешь из дома.

Не могу, — простонала я. — Меня замуровали. Возможно, на всю оставшуюся жизнь. Миссис Берман в Сансет Хаус сообщила обо всем в школу. Я не могу поверить, что она во всем винит *меня*. Она сказала, что, поскольку я пригласила Этана, я должна была знать о его шутках. Она сказала, что я должна была знать о его планах.

О, вау, — пробормотала Молли. — Плохие новости. Неправедливость.

Ты еще говоришь, — простонала я. — Потом миссис Берман сообщила обо всем моей маме. Мне не разрешили выходить вечером из комнаты. И... и... между тем, вникни: у папы были бил еты на хоккейный матч, которые он не мог вернуть. И он взял Этана на матч. Это *так* несправедливо!

Этан, — полный урод, — сказала Молли. — Не могу поверить, что он твой двоюродный брат.

Проблема не в Этане, — сказала я. — Все дело в мистере Плохише. Он живой, Молли, он — зло, а Этан слишком напуган, чтобы что-либо предпринять.

— Но, Брит...

Молли, я умоляю тебя поверить мне, — сказала я. — Больше

никто мне не поверит. Мне даже запретили в разговоре с мамой и папой упоминать о болванчиках. Но твой папа... он бы поверил мне. Он знает об этом, правда?

Да, — сказала Молли. — Папа проводил исследования, касающиеся болванчиков-чревовещателей. Я знаю, что он собрал много статей из журналов и газет. Приди ко мне, Брит. Проскользни и приходи. Мы постараемся найти его папку.

Я была в отчаянии. Поэтому я проскользнула через заднюю дверь и бросилась бежать к дому Молли.

Она встретила меня в бледно-голубой футболке и красно-белых бриджах. Она только что вымыла волосы, и на голове у нее красовался тюрбан из банного полотенца.

Мы включили свет в мансарде везде, где только могли. Но комната все еще наводила на меня ужас при одной лишь мысли о чучелах и странных куклах за стеклом.

Я остановилась и взглянула на пустую полку, где раньше стоял Похититель Разума. Дрожь побежала у меня по спине, когда я воскресла в своем воображении кладбище под дождем.

Молли вытащила меня в библиотеку своего папы, находившуюся в дальнем конце мансарды.

Одна стена была заставлена шкафами с папками. Мы начали шарить по ящикам, высматривая статьи, журналы, фотографии и материалы исследований всех загадочных явлений, которыми увлекался мистер Моллой.

После двадцати минут поисков я вытащила тяжелую папку, на которой было написано: «Чревовещание».

Молли, посмотри это! — сказала я.

Я подтащила ее к письменному столу, раскрыла, и мы с Молли начали проглядывать бумаги.

Молли наморщила лоб.

Что конкретно мы ищем?

Я вздохнула.

Все, с помощью чего я смогу убедить родителей в том, что мистера Плохиша необходимо уничтожить. Я... я...

Слова застряли у меня в горле. Я пристально смотрела на сжавшуюся от времени черно-белую фотографию.

Не могу поверить, — задыхаясь, сказала я. — Это же болванчик Этана. Посмотри!

Молли нагнулась к фотографии и рассмотрела ее.

Та же расщелина нижней губы, — сказала она. — Та же злобная ухмылка.

Та же отвратительная рожа, — сказала я. Дрожащей рукой я взяла фотографию и перевернула ее на другую сторону, исписанную очень мелким почерком. Я всматривалась в буквы, чтобы разобрать, что там написано. — Там говорится, что настоящее имя болванчика — *Слэши*. И... и я абсолютно права: он — зло, — сказала я Молли.

Сердце мое стучало, когда я разбирала слова. Говорится, что Слэппи был сделан каким-то волшебником в конце XIX века. Злым колдуном. Древесина, которую он использовал, была проклята. Он изготовил болванчика из украденного гроба.

Молли моргнула.

О, вау. Если бы папа был здесь...

Тут также говорится, что болванчик использует своих хозяев как рабов, — продолжала я. — Его власть безумна. Он хочет поработить всех, с кем встречается. И... и...

Мой взгляд скользнул в конец записи. Задохнувшись, я схватила Молли за руку.

В конце страницы — набор загадочных слов. Здесь говорится: «Произнеси эти древние слова, чтобы разбудить болванчика. И чтобы погрузить его в сон».

Ты меня дурачишь! — сказала Молли, выхватила фотографию у меня из рук и уставилась на нее. — Это превосходно, Бритни. Чего же мы ждем?

Она отдала мне фотографию. Затем сняла полотенце и принялась вытирать свои медно-рыжие волосы.

Давай, торопись, Бритни. Давай прокричим эти слова перед Слэппи и навсегда усыпим его. Ты говоришь, Этан на хоккейном матче, не так ли?

Пока мы сбегали с лестницы мансарды, я подняла фотографию и еще раз прочитала древние слова. Неужели мои мучения позади? Усыпят ли эти слова Слэппи?

Я проскользнула к себе в дом через черный ход и дала знак Молли, чтобы она вела себя тихо. Затем мы на цыпочках прошли через кухню в прихожую.

Я услышала звуки танцев и мельком увидела маму на кушетке с журналом на коленях. Мама не танцует, но любит музыку в стиле диско, и чем громче, тем лучше. Поэтому она не слышала, как мы с Молли быстро прошли к лестнице и направились в мансарду.

Этан оставил свет включенным. В комнате был ужасный беспорядок. Грязная одежда раскидана повсюду. Диски компьютерной игры и манга-комиксы валяются на полу, раскрытый мешок «Чиз Дуди» на клавиатуре компьютера, пустые баночки от содовой и скомканные джинсы на кровати.

Мы с Молли перешагнули через весь этот разгром и прошли в дальний конец комнаты. Слэппи сидел у окна в коричневом кожаном кресле. Руки болванчика покоились на ручках кресла. Он смотрел прямо перед собой.

Мы знаем твой секрет, Слэппи, — сказала я. Мой голос звучал весьма комично — тонкий и сдавленный. Я легонько хлопнула болванчика по его деревянной голове. — Видишь? Я даже знаю твое настоящее имя.

Я ждала, что он пошевелится или заговорит, но он продолжал смотреть в стену.

Молли опустилась на край кровати Этана, заваленной вещами. Я видела, что и она напугана.

Не теряй времени, — тихо сказала она. — Прочти слова, пока не произошло что-нибудь ужасное.

Я держала фотографию обеими руками, стараясь, чтобы они не дрожали.

Прощай навсегда, Слэппи, — сказала я.

А потом медленно прочитала старинное заклинание: «Karru marri odonna loma molonu Karrano».

Тишина.

Я чувствовала, как в ушах пульсирует кровь. А потом у меня перехватило дыхание, когда руки болванчика соскользнули с ручек кресла. И он повалился вперед, так что голова его коснулась колен.

Он так и остался в такой позе, неподвижный и безжизненный.

Я осталась стоять, ожидая и наблюдая. Но он больше не пошевелился.

Затем я повернулась и вскинула кулаки в воздух.

Мы сделали это, Молли! — радостно воскликнула я. — Мы усыпили его!

Я думала, что Молли тоже будет прыгать от радости.

Но она стояла неподвижно. Она пристально разглядывала что-то на кровати.

Молли? В чем проблема? — спросила я. — У нас все в порядке. Мы усыпили его.

Э... посмотри, Брит, — пробормотала она. — Здесь есть что-то такое, что тебе бы следовало увидеть.

Молли залезла в карман измятых джинсов Этана и вытащила оттуда маленький прямоугольный предмет. Он выглядел как пульт от телевизора. Она бросила его на кровать.

Почему это вывалилось из кармана Этана? — спросила Молли.

Я подняла этот предмет и стала вертеть его в руке. На нем была как минимум дюжина красных кнопок, но никаких слов.

Я нажала верхнюю кнопку, и у меня перехватило дыхание, когда Слэппи начал двигаться. Он поднял голову и засмеялся.

Странно! — сказала Молли. — Нажми ее снова.

Я нажала ту же самую кнопку. Слэппи снова поднял голову и засмеялся.

А как с этим? — крикнула я.

Наведя пульт на Слэппи, я нажала другую кнопку.

Я живой\ — завопил болванчик этим своим тонким хриплым голосом. — *Не понимаешь, Бритни? Я живой!*

Я нажала другую кнопку.

Никогда больше не жалуйся на меня, — сказал он шепотом.

Я снова нажала эту кнопку.

Никогда больше не жалуйся на меня!

Дрожащей рукой я навела пульт на Слэппи и нажала другую кнопку.

Я не люблю тебя, Бритни!

А-а-а-а-а! — испустив сердитый вопль, я бросила пульт на кровать. — Он сделал это снова! Этот урод Этан сделал это снова!

Я схватила джинсы и бросила их на пол. Открыв пакет «Чиз Дудлз» я высыпала содержимое на клавиатуру компьютера. От ярости я потеряла самообладание.

Должно быть, он гений в электронике, — сказала Молли. — Болванчик снабжен компьютерным чипом, правда? Этан записал все

высказывания болванчика и намеренно хотел напугать тебя.

Это... это... полная мерзость, — сказала я, борясь со слезами. — Этан облил краской ту женщину в Сансет Хаус и оскорбил тех людей. И... порвал надвое мой постер. И он притворялся таким испуганным оттого, что потерял контроль над болванчиком. Все это игра. Дурацкая игра.

Я дернула себя за волосы и закричала:

А-а-а-а! Я знала, что от Этана одни проблемы, но не знала, что он так мерзок и низок.

Молли поднялась на ноги.

И что ты собираешься делать?

Не знаю, — со вздохом ответила я.

Ты собираешься сказать ему о том, что ты знаешь, что он сделал? — спросила Молли. — Ты собираешься рассказать родителям? Или ты собираешься подождать немного и отомстить?

Я... не знаю, — ответила я. Мысли роились у меня в мозгу.

Рот мой начал растягиваться в улыбке. — Но я твердо знаю, Молли, что сегодня ночью я буду хорошо спать, и у меня больше не будет причин бояться. Я *никогда* не буду нервничать из-за этого глупого болванчика.

Ночью я проснулась от легкого хлопка по плечу.

А? — спросила я, моргнув.

Еще один хлопок.

Я так хорошо спала. Но когда я открыла глаза, прекрасные сновидения испарились. Мой мозг медленно пробуждался. Кто-то еще раз хлопнул меня по плечу. Я повернулась и вгляделась в темноту. На часах было 2:35.

Этан? Что тебе нужно?

И вдруг рот мой раскрылся в крике ужаса:

Слэппи!

Болванчик нагнул ко мне свое ухмыляющееся лицо. Большие голубые глаза смотрели на меня. Его деревянная рука метнулась вперед и схватила меня за запястье.

Спасибо, — прошептал он мне в самое ухо. — Спасибо, что
разбудила меня, *рабыня!*

Деревянные пальцы крепко сжали мое запястье. Еще туже, так, что захотелось кричать. Боль пронзила руку.

Отстань от меня! — крикнула я.

Болванчик склонился надо мной так низко, что наши носы почти с оприкасались.

Спасибо тебе, рабыня, — сказал он. — Ты произнесла слова, которые разбудили меня.

Нет! — задыхаясь, произнесла я. — Я не собиралась этого делать. Я...

Он фыркнул и засмеялся своим отвратительным гортанным смехом.

— Ты сейчас моя рабыня, Бритни. Ты будешь делать все, что я скажу.

Почему? — с трудом выдавила я, пытаюсь вырваться. — Мои мама и папа...

Продолжай. Скажи родителям, — сказал он и снова фыркнул. — Мне это нравится. Знаешь, что они подумают? Что ты сошла с ума. Они не поверят ни одному слову. Они отведут тебя к врачу.

Он отпустил мое запястье. Его нарисованная ухмылка, казалось, стала шире.

Ты готова выполнить свое первое задание?

Н-нет, — произнесла я, запинаясь. — Убирайся. Ты не можешь принудить меня к чему-нибудь.

Он глухо проворчал и выпрямился. А потом он поднес к моему носу сразу два кулака.

Я ведь буду мучить тебя, Бритни, — прорычал он. — Я тут не в игры играю. Вставай и одевайся.

Зачем? Ч-что тебе нужно? — заикаясь, произнесла я.

Ты совершишь небольшую прогулку, — сказал Слэппи. — Обратно на кладбище. Я слышал, как этот маленький урод Этан

говорил о кукле Похититель Разума. Я хочу *достать эту куклу*. Она мне *нужна!*

Он сильно толкнул меня обеими руками.

Достань ее, Бритни. Выкопай ее и принеси мне.

Я скатилась с кровати и приземлилась на обе ноги. Сердце стучало в груди. Но внезапно ярость победила страх.

Я ни за что не буду исполнять приказы деревянного болванчика!

Вон с моих глаз! — закричала я и схватила Слэппи поперек талии.

Я планировала поднять его и вышвырнуть из моей комнаты.

О-о-о-о-о! — простонала я, изо всех сил пытаюсь поднять его.

Он не отрывался от пола.

Прекрасная попытка, Бритни, — сказал он. — Вот так. Ударь меня в живот. Ударь изо всех сил, — он выставил вперед свой тощий живот и захихикал.

Я отступила назад, пытаюсь вспомнить шесть слов древнего заклинания, чтобы навсегда отправить его в спячку.

«Думай, Бритни, думай», — говорила я себе.

Все было бесполезно. Я не могла вспомнить эти слова.

Может быть, он оказался куда зловреднее, чем я могла предположить, но я не собиралась вновь отправляться на кладбище. Я не собиралась быть его рабыней. Ни в коем случае.

Скрестив руки на груди, я пробормотала сквозь зубы:

— Я... не... собираюсь... на... кладбище.

Он застыл на месте и долго смотрел на меня. Холод охватил все мое тело.

Нет проблем, — прошептал он наконец. — Прекрасно, Брит. Я это сделаю. Но когда я заполучу эту куклу, *твой* разум будет высосан первым. Тогда ты станешь *образцовой* рабыней, не так ли, дорогуша?

Он повернулся и быстро пошел к выходу из комнаты. Он шел прямо, не наклоняясь и не сгибая колен, а плечи качались из стороны в сторону, как у зомби в фильме ужасов.

Я застыла от страха не в силах пошевелиться.

Кламп. Кламп. Кламп.

Я слышала его тяжелые шаги на лестнице. Через несколько минут за ним захлопнулась входная дверь.

«Он действительно сделает это. Он собирается пойти на кладбище и достать куклу», — поняла я.

Я должна была остановить его. Я бросилась в прихожую, но остановилась. Я вспомнила, что на мне только ночная рубашка.

Я бросилась назад в комнату, надела свитер, джинсы и кроссовки и выбежала из дома.

Была прохладная ясная ночь. Черные облака, как тонкие змеи, окружали полную луну. Мои кроссовки хлюпали по скользкой мокрой траве, когда я бежала по улице.

Должно быть, недавно прошел дождь. Лужи на улице серебрились от лунного света.

Я увидела Слэппи, шагающего по лужам. Он размахивал руками, карабкаясь по небольшому холмику, ведущему к кладбищу. Он шел прямо, высоко подняв голову, к середине дороги.

Прохладный ночной воздух прогнал сонливость. Я зашагала вслед за ним. Я не хотела столкнуться с ним, но и не желала упустить из поля зрения.

Сердце мое громко стучало. Ничто не двигалось в ночной тишине. Ни ветерка. Ни звука проезжающих машин или голосов. В домах не горел свет. Было впечатление, что мы со Слэппи одни на всем свете.

Перешагивая через серебрящиеся лужи, я пошла за Слэппи на маленькое кладбище. Я видела из-за забора, как он быстро прошел мимо покосившихся надгробий.

Он остановился там, где мы закопали куклу, и опустился на колени.

У меня перехватило дыхание. Я видела, как он начал рыть грязь. Его деревянные руки действовали как лопаты. Грязь отлетала в сторону.

Я поняла, что должна перепрыгнуть через ограду. Сбить его с ног. Задушить его. Раздавить. Да что угодно сделать, лишь бы не дать ему достать эту опасную куклу.

Но страх удерживал меня. Ноги тряслись и подгибались. И я задыхалась, видя, как увеличивается яма под руками болванчика.

Он хихикнул, склонившись над ямой, и вытащил стеклянный ящик. А потом голову, чтобы убедиться, что его никто не видит.

Я пригнулась за забором, затаив дыхание.

Видел ли он меня? Нет.

Я выпрямилась, чтобы лучше видеть происходящее. Он быстро поднялся на ноги, и стал рукой сметать грязь с ящика.

В пугающем серебристом лунном свете я могла разглядеть куклу. Я видела высушенную голову, ударявшуюся о дно ящика, когда Слэппи счищал грязь.

А потом Слэппи осторожно опустил ящик на землю и стал снимать крышку.

Я вцепилась в ограду с такой силой, что руки заболели. И внезапно в моей голове прозвучал голос — мой голос: «Если он получит куклу, то он полностью сотрет твой рассудок».

И прежде чем я поняла, что делаю, я перепрыгнула через ограду и бросилась бежать мимо могильных камней.

Крепко схватив Слэппи за талию, я сильно толкнула его, отбросив от ящика с куклой.

И, почувствовав прилив сил, подняла отбивавшегося руками и ногами болванчика высоко над головой.

— Ты мертвечина, рабыня, — завизжал он. — Я накажу тебя за это.

А потом пришла моя очередь визжать.

Мощная волна белого света ослепила меня, окружив полностью и лишая возможности двигаться.

Я моргнула. Снова моргнула от яркого света. Свет разделился на два луча.

«Так это же свет фар», — поняла я.

Мои глаза постепенно адаптировались к свету, и я узнала машину родителей.

Папа раскрыл дверцу и вышел из машины. Он был в полосатой пижаме.

Бритни! — воскликнул он. — Мы видели, как ты ушла. Мы последовали за тобой. Что ты делаешь здесь с болванчиком Этана?

Слэппи обмяк. Я все еще держала его над головой.

Зачем ты закапываешь болванчика Этана? — спросила мама. Она вышла из машины, запахивая свой коричневый халат. — Ты что с ума сошла? Оказалась здесь среди ночи.

Ты знаешь, как дорог Этану этот болванчик? — спросил папа. — Как ты могла закопать его? Как ты могла поступить так низко?

Ты... ты не понимаешь! — задыхаясь, воскликнула я. — Я не закапываю его! Я... я просто пыталась... — отчаянный крик вырвался у меня. — О, я не могу объяснить это вам! Вы не поймете!

Мы не слепые, Бритни, — сказала мама. — Мы видели яму, которую ты выкопала, и как ты пыталась закопать болванчика Этана.

Папа сделал жест, чтобы мама успокоилась.

Все в порядке, — сказала он тихо. Он перелез через забор и направился ко мне. — Все в порядке, Брит. Стой здесь, милочка. Не шевелись. Утром мы первым делом отведем тебя к врачу. Мы поможем тебе.

Отдай папе болванчика, дорогая, и пойдем в машину, — сказала мама. — Мы позаботимся о тебе. Ты это знаешь.

Лежа безжизненно на моих руках, Слэппи хихикнул.

Ты потерпела сокрушительное поражение, — прошептал он. — Угадай, что будет? Мы отправимся домой вместе, *рабыня*. Завтра я

вернусь за куклой. А потом Слэппи буде хорошо!

22 (последняя)

Я не могла смириться с этим. Я не могла позволить ему победить.

Мой гнев выразился в громком вопле, который эхом отозвался между гранитными надгробиями:

Не-е-е-ет!

Я знала, что мне делать. Я высоко подняла Слэппи над головой и изо всех сил бросила его головой на стеклянный ящик.

Я услышала глухой треск разбившегося стекла и увидела, что ящик разлетелся под деревянной головой болванчика

Слэппи громко застонал, когда его лицо врезалось в куклу.

«Да!! Да-а-а-а-а!»

Голова болванчика оказалась нос к носу с зеленой сморщенной головой куклы!

Я испустила крик и отступила, когда кукла начала светиться.

Высушенная голова светилась белым светом. А потом кукла начала жужжать.

Руки и ноги Слэппи резко выпрямились, как от удара молнии. Тело болванчика дрогнуло раз. Другой.

А потом Слэппи безжизненно свалился на крышку ящика, в котором лежала кукла.

Я ждала... ждала. Слэппи не шевелился. Кукла выбрала другую жертву.

Внезапно я почувствовала, что по щекам у меня текут слезы. Все мое тело дрожало. Я глубоко вздохнула и попыталась успокоиться.

Бритни, что происходит? — спросил папа, подойдя ко мне.

Все... в порядке, — выдавила я из себя. — Правда. Все позади. Больше никаких абсурдных историй о болванчиках. Обещаю. Все позади.

Мама подошла ко мне и обняла меня за талию.

Надеюсь, это правда, — сказала она.

Да, — сказала я. — Вот, — я подняла безжизненное тело болванчика и дала его папе. — Вот. Давай вернем его Этану. Теперь все будет прекрасно.

Давай мы отвезем тебя домой, — сказала мама и повела меня к машине.

Я прошла несколько шагов и вдруг вспомнила о кукле.

Еще вот что, — сказала я. — Возвращайтесь в машину, я подойду через минуту.

Я подождала, пока они не вернутся в машину. Руки и ноги болванчика на руках у папы болтались, как плети. Наконец, я отдышалась. Я была так счастлива, чувствовала такое облегчение. Слэппи погиб. Его разум был стерт.

Сейчас мне предстояло заняться куклой.

Опустившись на колени, я посмотрела на нее сквозь треснувшее стекло. Сухие черные губы кривились. Пустые глазницы зияли.

Я заставила себя отвести взгляд. Осторожно подняла ящик с земли и опустила его в яму. Затем начала сбрасывать на него грязь, лихорадочно захватывая ее обеими руками.

Тяжело дыша, я сгребала грязь, пока яма не была засыпана.

«Да!»

Кукла была зарыта глубоко и больше никому не могла причинить зло.

Поднявшись на ноги, я счистила с себя грязь. Ноги у меня дрожали, сердце колотилось. Сделав глубокий вдох, я пошла прочь от ямы. Я прошла всего три-четыре шага. А потом услышала голос.

Голос Слэппи. Отвратительный надтреснутый хриплый сухой, как опавшие листья.

Слэппи, зовущий меня из тела погребенной куклы:

Я еще вернусь, Бритни! Я *плохо-о-о-ой* мальчик!

Конец

notes

Примечания

1

Сансет Хаус — дом солнечного заката (англ.)